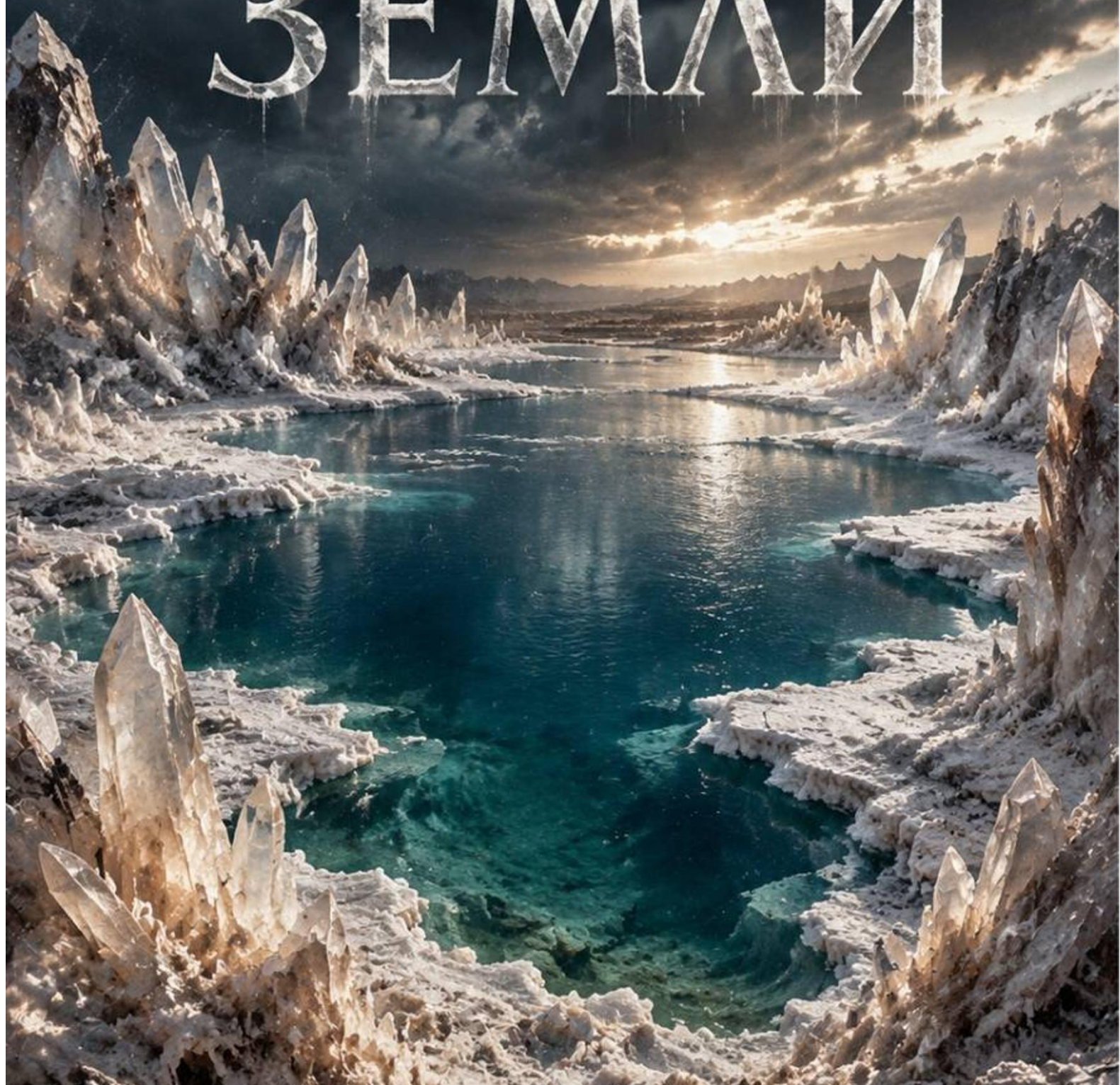

— ЛАНА ПОПОВА —

СОЛЬ ЗЕМЛИ

Лана Попова

Соль земли

«Автор»

2026

Попова Л.

Соль земли / Л. Попова — «Автор», 2026

История отца и его дочери, которые пытаются выжить в мире почти полностью поглощённом солью. В своих странствиях они встречаются мужчину, который обещает указать им путь к спасению.

© Попова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10

Лана Попова

Соль земли

Глава 1

Почему они решили довериться ему?

Человеку, что пришёл из ниоткуда и ведёт их в никуда.

А есть ли другой выбор?

Останься они в той пещере, служившей им домом на протяжении стольких лет, в которой соль, с молчаливого согласия своей жертвы, поглотила единственную большую женщину, что он видел.

Она оставила его с порождением их иррационального инстинкта продолжать род на руках.

До-чка. Странное слово, будто инородное, нечто единственное несолёное, в засоленном мире. Он так ни разу и не смог его произнести.

Сухой, покрытый язвами язык не был на это способен, только на невнятное мычание, сопровождавшееся невероятной болью.

Соль.

Даже внутренние органы, пытаясь работать, скрипели из-за неё.

Всё скрипело, двигаясь, содрогаясь в последних приступах агонии.

Соль хрустела в воде, врезаясь в берега небольшого куска земли, всё ещё не засоленного. Под ногами при ходьбе, при движении воды казалось: ещё немного — и даже дыхание редких живых созданий скоро будет сопровождаться вездесущим скрежетом.

Даже редкие растения, развеваясь на ветру, казалось, тихонько поскрипывали.

Мужчина двинул изодранными в кровь губами, собирая образовавшуюся за ночь соляную корочку. Белый порошок тут же хлынул в горло. Мужчина громко и сухо закашлялся. Это было гораздо солонее, чем обычно. Каждое утро было испытанием, будто соль за ночь пыталась поглотить их, сделать частью себя.

От каждого движения, хруст и осыпание белого минерала, раздражающего кожу. Боль от проникающих в раны мелких кристаллов, уже так привычна, что не замечалась.

— Папа, — позвала дочка подходя к мужчине, что её породил. — Там вода падает с неба. Пресная. Просыпайся, — хватая ёмкость, грубо сшитую из лоскутов кожи, крикнула она, выбегая на улицу.

Сумку, сшитую из кожи большой женщины, из живота которой и вылезло это маленькое создание.

Каждый раз, видя сосуд в руках дочери, внутри его груди подвывало, что это противостоительно, но инстинкт выживания тут же затыкал назойливый голос.

У них есть ёмкости из плотно сплетённых листьев дерева, что росло недалеко от их предыдущего убежища, но заплатки на нём росли со скоростью, которой позавидовали бы и кристаллы пожирающего всё вокруг минерала.

Сон как рукой сняло. Ему казалось, что ещё пара дней — и мир засолит их окончательно, но кто-то свыше, видимо, ещё не оставил их.

Он ничего не ответил маленькой женщине, покрытый язвами, и с языком с бледно-жёлтым налётом, отказывался слушаться, выполнять то, ради чего он и был дан людям. Когда вас двое, речь едва ли можно назвать самым необходимым и нужным. Когда вас трое, и третий не знает вашего языка, а вы его, ситуация кардинально не меняется.

Выйдя на улицу из пещеры, где они остановились для ночлега, мужчина простонал от ощущения жизни, стекающей по его телу; его тело жадно пило воду, впитывая каждой порой. Мужчина вытянул руки ладонями к небу, смывая с них соль, успокаивая алые раздражённые участки кожи.

Но времени наслаждаться нет. Нужно собрать как можно больше воды, наполнить все сосуды, мешки, себя — всё, что только удастся.

На этой стороне от соляного хребта, ещё пару десятилетий назад именуемого горным, с недавних пор дождь — это последний источник пресной воды. Последнее пресное озеро недавно окончательно засолилось, концентрация минерала в его водах превысила все допустимые для питья пределы, как и все реки и озёра до него. Оно было ключом к их выживанию на протяжении многих лет, но... Они знали: этот день настанет.

Взрослая женщина, одна из последних, что ему довелось видеть, предпочла жизни — соль. Бесконечные боль, страх и борьба за выживание заткнули подвывающие, трепыхающиеся в высушенном теле инстинкты.

Её живое розовое тело со временем полностью слилось с солью, и их бывший источник питья выталкивал отделившиеся от тела части. Будто давая понять: останутся здесь — умрут. Что дополнительно подтверждалось покрытыми тонкой солевой корочкой тельцами мелких животных.

Они уже месяц не видели в этой пещере ни единого живого организма.

Однако её смерть не была напрасна. Мешок из её кожи позволял им долго хранить воду. Волосы, жёсткие от долгого пребывания в воде, послужили верёвкой, которыми они теперь всё перевязывали. Часть мяса была употреблена, часть завялена и оставлена про запас. Из костей смастерили самые простые инструменты.

Можно ли справедливо рассудить, что соль забрала её? Тело — точно нет.

Разбирая её тело на нужные для выживания детали, в груди мужчины что-то встрепенулось — что-то странное, инородное. В душе всего на мгновение стало невыносимо горячо и тяжело, словно что-то погибшее сотни тысяч лет назад шептало ему, что есть в этом действии нечто неправильное. Но это было лишь мгновение. Стоило соли попасть на свежую, только появившуюся на ноге язву, как странное ощущение покинуло тело.

Надо было идти. Иначе соль поглотит и их.

И они ушли. Вот только куда они идут?

Он помнил, как мужчина без двух пальцев на правой руке пришёл в их жильё. Грязный, покрытый корками раздражённой алой кожи, с впалыми глазами. Белок красный, покрытый кровью из-за лопнувших сосудов.

Их проводник сказал, что за хребтом, в нескольких днях ходьбы, есть огромное пресное озеро.

Бай-куль.

Это слово повторялось снова и снова, очаровывая.

За хребтом много воды.

Это то, что удалось понять из короткого разговора жестами.

Мужчина с израненными руками неразговорчив, а если и пытался сказать что-то, то язык его был неизвестен девочке и мужчине, чьё семя породило её.

Однако два жеста волны и три пальца на одной руке и один на другой, обозначавшие четыре дня пути, всё пояснили.

Потом уже в дороге стало ясно, что речь шла не о четырёх днях, а о месяцах дороги. Когда это открылось, ужас охватил всё существо путников.

Выдержат ли они? Воду следовало экономить уже сейчас, несмотря на наполненные до краёв сумки.

Это невозможно и будет истинным чудом, если они преодолеют и треть пути.

Но выбора нет.

Сосуд в руках маленькой женщины наполнился до краёв, и она застыла, распахнув измученный ранами, сухостью и корочками рот навстречу живой влаге. На лице — чистый экстаз.

Она плюхнулась на месиво из соли и грязи, выпрямила ноги и растопырила пальцы, чтобы вода попала на нежную кожу перепонки и то же самое сделала с руками.

Именно сейчас, глядя на хрупкую иссохшую, измученную фигурку, ласкаемую дождём, мужчина вспомнил, что перед ним ребёнок, человеческий детёныш. Много ли ей отмерено?

Дожди всё реже посещали этот мир. Если ли шанс у неё прожить ещё хотя бы лет пять?

Есть ли шанс, что им хватит воды до следующего дождя? Дойдут ли они до обещанного пресного рая?

Сосуд, сшитый из листьев, дал протечку. Глаза мужчины расширились от ужаса и заставили бросить всё и как можно быстрее найти остатки смолы, чтобы заклеить протечку.

Сердце содрогалось, словно зверёк, умирающий в конвульсиях от обезвоживания.

Они не могли себе позволить потерять ни одной капли. Не могли. Иначе не дойдут. Он грубо мазал листья смолой, заклеивая брешь.

Давай.

Кончики пальцев потели, мешая работать.

Он судорожно лепил лист за листом, постоянно поднимая голову, проверяя, не пропал ли дождь, не оставил ли их умирать.

Они не могли потерять и капли.

Не могли. Иначе не дотянут. Иссохнут. И соль поглотит их.

Во всей этой суматохе оба не обратили внимания, что их проводник не собирает воду, а стоит на коленях, возведя руки с ободранными до костей кончиками пальцев к небу. Места, где ранее были сожранные гангреной пальцы, ярко выделялись на фоне бледной, почти прозрачной кожи ладоней.

Он кричал что-то на своём языке:

— О Пресная Мать, ты вновь даришь жизнь своим недостойным детям. Дети не достойны твоей милости. Но скоро дети отблагодарят тебя сполна! Позволь мне принять твой дар! — завершил он, распахнув рот и высунув язык, затхлый и лишь слегка покрытый плёнкой влаги.

В этом всё было нечто первобытное, нечто недоступное для понимания жителям другой стороны солёного хребта.

Вода стекала по его худому, высушенному до состояния чего-то вяленного телу, смывая соль, омывая раны, разъеденные ею.

Он словно знал или верил, что некая сила не оставит его, не позволит воде перестать падать с неба.

Напившись, он всё же достал несколько сумок из кожи. Но сшитых гораздо искуснее, аккуратнее. Сумки выкрашены в тёмный цвет, и определить, чья это кожа, невозможно.

Кожа проводника до того измучена солью, высушена, что кое-где потрескалась, позволяя и без того редкой, ценной влаге покинуть тело.

Дождь длился поразительно долго, щедро поливая немногих живых, давая им вдоволь напиться. Словно готовя их к чему-то.

Девочка сидела под падающей водой, подставив своё иссушённое лицо потоку благословенной влаги. Она подставляла язвы, красные от раздражения участки кожи, чтобы пресная вода уняла зуд хоть на несколько минут. Сняла боль, ставшую её спутницей с рождения.

Куда они идут? Чтобы выжить? А смогут ли они выжить там? А если и да, то надолго ли?

Возможно ли, что человека с израненными руками им послала высшая сила, чтобы наконец-то приостановить страдания?

Вода размыла соль, кое-где открывая землю. Действительно, чудо. Последний раз они с дочерью видели землю в пещере. Сейчас там, наверное, с потолка свисают белые сталактиты.

Израненные стопы шагали по мягкой скалистой земле. Это было куда лучше, чем идти по слою соли, впивавшейся в ноги, раздражающей алую и хрупкую кожу между пальцев ног. Сумки с водой приятно оттягивали плечи, и путь стал гораздо терпимее. Будто бы впереди действительно что-то есть, и оно ждёт.

Глава 2

Целое озеро воды. Возможно ли, что это правда? Кроме как верить в это, иного не осталось. А осталось ли что-то, кроме веры, сопряжённой с желанием выжить?

Недалеко от места, где их застал дождь, мужчина без пальца достал из размытой пресной водой земли нечто странное. Острое. Белое. Треугольное и с зазубринами по краям и коричнево-красное с одной из сторон. Цвет окаменелого мяса. Мужчина пошевелил почти сгнившим языком, пытаясь коснуться собственной десны, но тут же замычал от нестерпимой боли, что дали мелкие белые язвочки, покрывавшие весь его рот изнутри.

Зуб. Вот, что это напоминало. Огромный зуб.

Это невозможно.

Чтобы на умирающей в агонии земле хватило воды, чтобы выживали столь огромные создания, как обладатель этого зуба? Если это действительно был он.

Нетрудно представить, как десятки подобных идеальных, совершенных резцов дробят кости своей жертвы, жестоко разрывая плоть. Всё должно быть в крови от этой яростной схватки за выживание, спровоцированной голодом.

Голову пронзили воспоминания, как озеро в их пещере, пока только подёрнутое солёной коркой, окрашивалось в алый, когда он разбирал тело женщины.

Кровь нельзя пить, а озеро уже не годилось для питья.

Он помнил, как медленно кровь покидала тело и смешивалась с лишённой жизни водой.

Это невозможно, ведь крови было так немного в сравнении с водой и солью, но когда они покидали своё жилище, мужчине казалось, что озеро дало алый отблеск.

Может ли быть, что огромное создание, обладавшее целым арсеналом для добычи пищи и потрошения этой пищи во рту, испытывало ту же тяжесть в груди, что он, прикасаясь к некогда живому телу?

Однако сейчас, вспоминая этот момент, в груди не колыхнулось ничего. Только отвращение от всего, от липкости кожи и запаха, исходившего от внутренних органов.

Разделявая тело и прося дочь помочь, он не думал о том, что чувствует она. Возможно, чувствует. Он тогда не думал. Эта функция будто пропала, исчезла. И стало хорошо и понятно.

Проводник положил зуб в единственный карман, пришитый грубыми широкими стежками к покрытому дырками куску ткани, служившей ему подобием одежды.

Горы, полностью покрытые солью, нависали над ними, словно гордые, равнодушные, все-могущие создания, когда-то забытые, но взявшие своё со временем и продолжающие забирать. И нет в них и капли жалости к остаткам живущих.

Хотя если и какой-то долг действительно имел место, ныне дышащие слабые создания едва ли имели к нему отношение.

Размеры гор пугали, мнимая хрупкость пугала ещё сильнее. Соляной валун мог придавить их в любой момент. И всё закончится.

А если подумать, то плохо это или хорошо? Смерть.

Думал ли он о том, чтобы утопиться вслед за женщиной? Да. Дело не в привязанности, хотелось, чтобы боль прекратилась. И только.

Но что-то внутри, родственное той тяжести в груди, вопило, кричало, умоляло не делать этого. Голос миллионов умерших до него сородичей. Инстинкт. Животная суть. Словно он обязан отмучиться, отстрадаться. Будто у этого жалкого подобия существования есть цель.

Может, она и правда где-то существует?

На берегах пресного озера.

— Эй, — крикнул проводник, указав рукой на одну из огромных белых стен, состоящих из соли.

Крик — судя по всему, единственное, что понимали люди, живущие по обе стороны солёного хребта. Хотя и он скоро затихнет, погружая мир в бесконечную глухоту и немоту.

Дав знак идти за ним, проводник произнёс на своём языке:

— Пресная Мать ведёт нас и дарит мне свои дары, чтобы потом я мог преподнести ответные дары через Бай-куль. Я понимаю тебя, Пресная Мать. Я вижу твой знак.

На мгновение мужчине показалось, что проводник говорит, зная и даже надеясь, что его не поймут. Тогда зачем говорить? Остался ли смысл в словах в мире, где цель — только выживание? Какие слова и кому можно произносить, не зная, переживёшь ли грядущую ночь?

Выходила из земли не гора. Эта огромная глыба соли, возвышающаяся над живущими, уходила в небо, почти сливаясь с ним по цвету, но внутри неё было нечто.

То, что заставило израненные, сухие, испещрённые ранами и болезненными пятнами рты распахнуться в испуганном мычании. Чудовище. Огромное. Замурованное в глыбе соли.

Мужчина видел когда-то, когда был гораздо меньше, похожих на это чудовище вытянутых созданий с плоскими отростками, которыми они двигали, передвигаясь в водах озёр.

Но самые крупные обитатели воды были размером с ладонь.

А это порождение кошмара, казалось, могло заглотить человека целиком.

Всё тело создания излучало древнюю, первобытную мощь.

Сколько должно быть воды, чтобы там смогло существовать это? Чтобы там могло существовать несколько таких?

Вода без сомнений была его домом — до тех пор, пока мир его не отверг. Острый плавник смотрелся угрожающе, а тело, поражающее размерами, из-за мутности соли не разглядеть; хвост прятал истинные размеры создания и уходил вглубь. Кожа чудовища выглядела шершавой и плотной; белые глаза, выжженные солью; пасть полна зубов — острых, словно осколки расколотого черепа.

Челюсть распахнута в последней попытке охоты или же в яростном крике, заглушённом солью.

Чудовище, отвергнутое миром, где было рождено править. Оно засолено так же, как и мелкие ящерицы и грызуны, что они встречали на пути, и так же отвергнуто водой, как и большая женщина.

Проводник достал свой трофей, найденный в земле.

Он начал говорить, дополняя слова жестами:

—Та, кто слушает Пресную Мать, сказала: «Раньше было много воды. Были озёра, огромные. И это жило там. И таких было много. Но озеро было солёным, и когда Пресная Мать решила наказать живущих, все большие озёра превратились в глыбы соли и покрыли всю землю. Остались только маленькие озёра и полоски, текущие от них. Но и они с каждым годом превращаются в отраву, и даже Бай-куль не может сопротивляться её воле, — проводник преврался. Губа его, иссушённая солью, треснула, и наружу выступила капля крови, делая образ воистину пугающим, будто он зверь, вернувшийся с удачной охоты. — Когда мы принесём расплату за все ошибки, Пресная Мать вернёт воду. Так говорит та, которая слушает.

Руки то и дело показывали волны — магический, чарующий знак воды.

Мужчина и маленькая женщина поняли одно: было время, когда воды было много. И это чудовище было там. Возможно ли такое? Огромные массы воды, способные стать пристанищем такого зверя.

Это невозможно.

Может быть, у них галлюцинации, которые периодически терзали остатки разума, сводимого с ума жаждой, жарой и постоянной болью? И это чудовище, замурованное в глыбе соли, — лишь плод их предсмертной агонии?

Поверить в это куда проще.

Ведь если это так, то та земля, припылённая солью, по которой они всё это время шли — дно огромного — больше чем всё, что они могли себе представить — водоёма. Куда ушла вся эта мощь? Жизнь?

Проводник сжал найденный зуб в руке и двинулся дальше.

Что-то тихо треснуло в глыбе, создавая иллюзию внутренней жизни.

Пустые, белые, без зрачков и жизни глаза продолжали смотреть им в спину, и на мгновение показалось, словно чудовище дрогнуло, распахивая зубастую пасть шире.

Оставался всего один месяц до конца пути — изматывающего, мучительного. Последнего рывка в борьбе за выживание.

Мужчина постоянно открывал кожаный мешок, проверяя, сколько воды осталось. Скоро в этом не будет надобности. Воды будет в достатке, они смогут выжить.

Бай-куль. Из речей ведущего стало понятно — это озеро, то самое озеро, к которому они идут. Дитя Пресной Матери. Огромное, полное жизни.

Бай-куль.

Это слово постоянно мелькало в речи мужчины без пальцев, когда он становился на колени, царапая кожу о тонкий соляной покров земли.

На третий месяц их странствия маленькой женщине стали сниться кошмары. Кошмары о чудовище, замурованном в соли. Во снах оно сжирало её, отрывая руки, ноги. И вода вокруг становилась алой.

Он протянул дочери мешок, позволяя сделать глоток. Её губы прильнули к нему, делая жадный глоток и целуя кожу женщины, породившей её. Мать не переставала заботиться о ней и сейчас.

Их последняя ночь в дороге. И дальше только жизнь без боли, без постоянного страха проснуться замурованным в глыбе.

Но если даже чудовищ — мощных, всесильных, идеальных — не пощадил мир, то почему должен их? Разве человек совершеннее зверя, совершеннее идеального хищника? Они нужнее всех остальных, кто выбрал соль сам или иссох, покрытый белым налётом, ставший частью огромного — размером с мир — кристалла?

Маленькая женщина обняла сосуд с водой и, прижимаясь к тому, что ещё недавно быломестилищем жизни большой женщины, уснула. Испытывала ли она ту же тяжесть в груди, что и он, когда увидела тело?

А если да, то отпустило ли её это чувство так же, как и его?